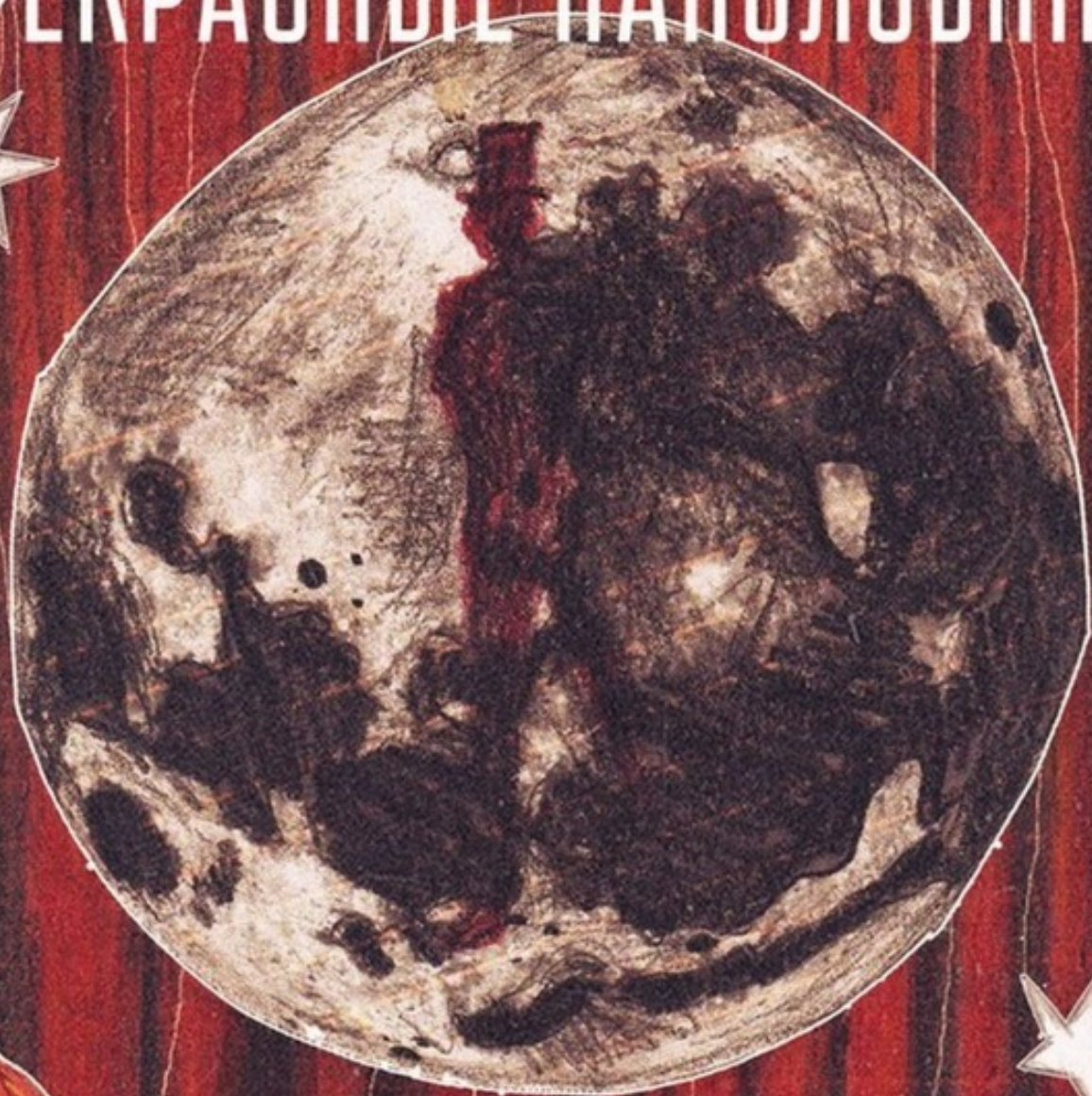

ДАНИИЛ ГОРБУНОВ
ПРЕКРАСНЫЕ НАПОЛОВИНУ

WELCOME

Даниил Горбунов

Прекрасные наполовину

«Издательские решения»

Горбунов Д.

Прекрасные наполовину / Д. Горбунов — «Издательские решения»,

1925 год, США. По стране колесит бродячий цирк, в котором работают необычные артисты: человек-волк, бородатая женщина и другие. Посетители платят деньги за то, чтобы посмотреть на них, смеются, тычут пальцами и бросают помидорами. Им невдомек, что у всех этих людей точно такие же чувства, как и у них, они так же хотят любить и быть счастливыми. Кто они? Безобразные чудовища или загубленные обществом души?

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать в цирк	6
Глава 2. Жизнь за кулисами	10
Глава 3. Клоун	17
Глава 4. В уродстве – счастье	21
Глава 5. Убийство среди белого дня	24
Глава 6. Похороны	27
Глава 7. Скандал	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Прекрасные наполовину

Даниил Горбунов

Возлюби ближнего своего.

Заповедь

© Даниил Горбунов, 2016

© Иван Перчугов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Добро пожаловать в цирк

В то прекрасное лето 1925 года цирки то и дело колесили от северных штатов к южным, от западных к восточным. Лето выдалось воистину хорошим, хотя в принципе то же самое можно было сказать и о лете прошлого и позапрошлого года. Самым важным было то, что Первая Мировая война давно закончилась, а Великая Депрессия ещё не началась. Лето – это то время, когда большинство людей испытывают неожиданное умиротворение, тебе начинает казаться, что каждый человек на Земле счастлив, как бы неправдоподобно это не звучало. Тебе просто хочется посидеть в тенишке, полакомиться мороженым или понежиться на пляже. Лето – это ещё и время для блаженства, для долгожданного отдыха.

А знаете, чем ещё хорошо это время года для цирков? Конечно, каникулами. Тысячи школьников забыли об учёбе на последующие три месяца. А куда они, спрашивается, будут просить отвести их родителей. Конечно, в парки аттракционов, кинотеатры или цирки.

Этим-то и хорошо лето, а для цирка Бенджамина Голдмена, уже не один раз исколесившего страну, лето 1925 года было самым запоминающимся.

Хозяин цирка, этот Бенджамин Голдмен, не был, как это говорится, знаменитостью, хотя цирк его во многих маленьких городах приобрёл известность. Сейчас цирк Голдмена по восточному побережью США постепенно продвигался на север, в Нью-Йорк. Он старался заехать в каждый город, каким бы крошечным тот не был, и в каждом городишке, должно признать, цирк встречали весьма приветливо, почти всегда с аншлагами. Вот и в тот день, с которого мне бы хотелось начать эту историю, в цирке Голдмена был очередной аншлаг.

В тот жаркий июньский день людей собралось действительно много. Все толпились около большого шатра цирка и около маленьких фургончиков, которые служили одновременно и гримёрными, и домами артистов. Ветерок разносил приятный запах леденцов, перемешанный с запахом лошадей. Повсюду сияли улыбки, не было, наверное, ни одного человека, который бы в этот момент не улыбался.

Но около четверти всех людей толпились вовсе не у главного шатра, а у какого-то наспех построенного здания. Хотя здание это и было построено на скорую руку, выглядело оно весьма привлекательно. Но толпу, скорее всего, привлекала не архитектура здания, а надпись на нём. Большими разноцветными буквами было написано: «Фрик-шоу». Приблизившись к этому зданию, можно было различить на его дверях столь же яркую афишу, которая гласила:

«ДАМЫ И ГОСПОДА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НАШ ЦИРК УРОДОВ!

Только у нас вы сможете увидеть знаменитую бородатую женщину,

оборотня Мартина, человека-гору, дурочку Дороти,

сиамских близнецов Эллу и Эмму, безрукого Лари,

и конечно, нашу гордость, человека-червя!

Только в нашем цирке уродов!!!»

Чем больше людей читало эту афишу, тем больше становилась толпа ожидающих, когда откроется, наконец, этот цирк уродов с такой многообещающей рекламой на дверях. И вот дверь распахнулась, на улицу вышел усатый мужчина в чёрном цилиндре.

– Дамы и господа, дамы и господа! – громко заговорил он с небольшим французским акцентом, – приглашаю вас на фрик-шоу, стоимость представления всего три доллара!

Люди начали доставать деньги и подходить к этому усатому мужчине. Мужчина снял свой цилиндр, и когда ему протягивали деньги, он подставлял свой головной убор, и купюры одна за другой ложились на дно шляпы.

– Заходите! Всего три доллара, и вы увидите столько диковинных вещей, сколько в жизни не видывали! – кричал он зрителям, явно сомневающимся идти им на фрик-шоу или нет.

В итоге толпа рассеялась, все, кто хотел зайти в цирк уродов, попали в него, кто сомневался – остались на улице.

Изнутри здание выглядело очень странно: по всему периметру комнаты стояли импровизированные пьедесталы в форме полукруга. Но кто или что находилось на этих пьедесталах, не было видно, потому что это что-то было закрыто ярко-красными шторами. Казалось, будто эти загадочные, закрытые шторами возвышения, находившиеся в этой комнате, были чем-то вроде вольеров или каких-то клеток.

– Дамы и господа, за этими шторами скрываются необычные люди, – начал говорить ведущий. – Но назвать их людьми навряд ли повернётся язык. Они те, от кого, как говорят, отвернулся Бог! Это страшные существа, которых отвергло всё человечество! Поверьте, сейчас в этой самой комнате находятся чудовища, которые могут по-настоящему напугать вас!

Ведущий подошёл к первому пьедесталу и взялся за штору, приготовившись показать зрителям того, кто за ней находится.

– Здесь у нас сидит одна женщина, – проговорил он, – поверьте мне, она могла бы стать первой красавицей Америки, если бы не одно «но», у этой женщины растёт борода!

С этими словами ведущий быстрым жестом отдернул штору, и зрители увидели сидящую на стуле чёрноволосую девушку. Женственные черты её лица, красивые карие глаза, нежную розовую кожу дополняла чёрная взлохмаченная борода. Если бы не эта борода, девушка и вправду была бы писаной красавицей, но этот уродливо смотрящийся на ней мужской атрибут портил всю её внешность. Девушка сидела, сложив руки на коленях, она старалась не смотреть на зрителей, её взгляд был устремлён куда-то вдаль. Она производила впечатление гордого человека, который бы ни за что на свете не дал себя обидеть, но судьба, видимо, не учла эту её особенность характера, и ей придётся до конца своих дней терпеть насмешки.

Зрители сначала смотрели на неё с удивлением, но постепенно их лица стали выражать полную неприязнь. Особенно это было видно по мужчинам, которые с презрением и отвращением смотрели на бородатую уродину, наверное, они представляли её в роли чей-то жены. Послышался смех, когда все обернулись, что бы посмотреть, кто это смеётся, то увидели трёх прижавшихся к друг другу девушек.

– Да, дамы и господа, такие женщины существуют, – продолжал ведущий, – но вас, я вижу, не очень впечатлил вид этой несчастной девушки, поэтому я предлагаю отправиться дальше, у нас ещё много приготовлено для вас сюрпризов!

Зрители последовали за ведущим. Он подошёл ко второму пьедесталу, и вновь взялся за штору, интригуя таким образом зрителей.

– А здесь находится мужчина, – говорил ведущий. – Ещё, должно быть, в детстве его родители заметили у сына странную особенность: его позвоночник так сильно искривился, что он стал похож в буквальном смысле на знак вопроса! Человека с таким большим горбом, могу поспорить, вы точно не видели!

Таким же изящным жестом конферансье открыл занавеску, и перед зрителями оказался следующий фрик. Это был мужчина с таким огромным горбом, что он даже не мог поднять головы, а его нос уткнулся прямо в грудь. Зрители сразу обратили внимание на то, что человеку этому приходится несладко, потому что он может смотреть только себе под ноги и никуда больше. В этот раз послышался более продолжительный смех: смеялись все те же молодые девушки и ещё кто-то.

– Ну что ж, дамы и господа, отправимся дальше, – вновь заговорил ведущий и подошёл к следующему пьедесталу. – За этой занавеской скрывается одна девочка. Когда-то давным-давно врачи поставили ей страшный диагноз: микроцефалия – если вам это о чём-нибудь

говорит. Между собой мы называем её дурочкой Дороти. Встречайте же нашу единственную и неповторимую дурочку Дороти!

Вновь занавеска исчезла, и зрители ахнули при виде следующего уroda. Рядом со стулом стояла странная девочка маленького роста, но если бы ведущий не сказал, что это девочка, зрители бы совершенно не поняли, кто пред ними находится, так как лицо не выдавало в хозяйке ни мужского, ни женского пола. Голова её была маленькой, как у куклы. И сразу возникал вопрос, а было ли содержимое в этой голове? Лицо фрика, искажившееся в безумную гримасу, выдавало явное слабоумие. Она резко отпустила стул, который до того держала за спинку и направилась к зрителям. Её тонкое беленькое платьице развивалось при каждом шаге. Впереди стоявшие зрители отпрянули назад, когда микроцефалка подошла к ним, но поняв, что она не может причинить им вреда, они опять заняли свои места. Один мужчина вымолвил:

– И рождаются же такие уроды!

Остальные зрители засмеялись и стали о чём-то переговариваться друг с другом. Микроцефалка добродушно смотрела на собравшихся людей и улыбалась. Улыбка её выражала безумную беспричинную радость, и она тоже начала смеяться вместе со зрителями, поддавшись всеобщему веселью. Ей было невдомёк, что она и есть причина этого веселья.

– Гы... Го... Га... Гу... – пыталась что-то произнести микроцефалка.

Смех затих, зрители внимательно слушали, что пытается сказать фрик, но поняв, что её речи полностью лишены смысла, ими овладела новая, ещё более сильная волна смеха.

– Вот же умора! Ха-ха-ха! – сказал толстый мужчина, стоящий рядом с микроцефалкой.

– Ой, не могу! Ха-ха-ха! – смеялась женщина в широкополой соломенной шляпе и розовом платье.

Ведущий стоял и наблюдал за зрителями, и потом, наконец, произнёс:

– Ладно, это ещё не все сюрпризы, – он попытался вернуть микроцефалку на место. – Кыш, кыш, тебе говорят!.. Что ж, дамы и господа, идём дальше. Сейчас вы увидите самого волосатого человека на Земле! Встречайте человека-волка!

Он опять повторил свой волшебный жест. Теперь зрители созерцали очень волосатого мужчину. Густые волосы росли по всему его телу, и сразу было непонятно, человек это или обезьяна.

– Фу-у-у-у! – протянула какая-то женщина.

Глаза человека-волка наполнились яростью. Ведущий явно стал нервничать и приготовился закрыть занавеску.

– Сейчас ты у меня... – вырвалось у человека-волка, он обратился к той самой женщине, которая так не лестно отозвалась о его внешности. Он сжал дрожащую от злости руку в кулак и пригрозил им всем зрителям. – Все вы у меня... – продолжал говорить человек-волк, но он всё же сдержал себя, и фраза так и осталась незаконченной. Через несколько секунд человек-волк скрылся за шторой.

– Простите, дамы и господа, за этот неприятный инцидент, – виноватым тоном сказал ведущий, – такое иногда случается... Ну а за следующей занавеской скрывается человек, который родился без... рук!

Зрители увидели следующего фрика. Одежда на нём была странной, на ней полностью отсутствовали рукава, но они не были нужны этому человеку, как было сказано выше, он был безруким. Зрители как-то холодно встретили этого уroda, наверное, потому что он являлся вполне стандартным фриком, таким же, как и бородатая женщина, и такие были практически в каждом цирке.

– Что ж, дамы и господа, гляжу, вас не очень впечатлил наш безрукий Лари, – сказал ведущий, – но следующие две сестры вас точно удивят. Вы наверняка видели уже сиамских близнецов, но таких, могу поспорить, вы точно не встречали.

С этими словами занавеска исчезла, и одна зрительница невольно вскрикнула. Зрители смотрели на женщину, у которой прямо через живот проходило тело другой женщины. Её сестра являлась, словно ненужным вечно мешающим отростком, она неуклюже свисала вниз так, что её руки и кончики длинных волос дотягивались до пола.

– Боже! Боже! – прошептала всё та же испугавшаяся зрительница.

– Да, иногда люди рождаются вот с такими уродствами, – говорил ведущий. – И спрашивается после этого, а хотели ли они появиться на этот свет? Желали ли они такой жизни, наполненной страданиями?

Оставив свои вопросы риторическими, ведущий медленно закрыл штору.

– Ну и напоследок, дамы и господа, я оставил вам самого страшного нашего фрика. Если наш Лари родился только без рук, то следующий человек был рождён вообще без конечностей! Встречайте нашу гордость, человека-червя!

Когда последняя занавеска оказалась открытой, зрители невольно ахнули. У следующего фрика полностью отсутствовали ноги и руки. Это было, несомненно, верхом уродства.

– Какой ужас, правда? – послышался шёпот одного из зрителей.

– Да, – последовал ответ. – Подумать только этот человек совершенно не способен жить нормальной жизнью, не способен ни ходить, ни есть самостоятельно, ни что-либо делать.

Зрители внимательно разглядывали безрукого и безногого инвалида. Когда у тебя отсутствуют ноги и руки, ты просто существуешь и всё, на большее ты не способен. Представьте хоть на мгновение, что у вас нет больше конечностей, как бы тогда вы стали жить? Если вы, скажем, художник или музыкант, чем вам тогда рисовать и чем играть на музыкальном инструменте? Достаточно только представить это, чтобы ощутить, как страшно не иметь рук и ног.

– Я бы посмотрел, как он живёт. Такие, наверняка, очень часто самоубийства совершают, хотя им, наверное, даже убить-то себя сложно, – продолжал шептать всё тот же зритель.

– Да, таким не позавидуешь, – говорил его собеседник.

Пока несчастного человека-червя обсуждали, он внимательно оглядывал всех собравшихся. Его глаза были невероятно грустными, в них читалось явное разочарование в жизни. Когда его взгляд встречался с взглядом какого-нибудь зрителя, то тот тут же отводил глаза и смотрел куда-то в сторону.

– К сожалению, дамы и господа, я вынужден вам сообщить, что встреча наша подходит к концу, – вымолвил ведущий, закрывая последнюю занавеску, – до свидания.

Зрители стали расходиться. По ним было видно, что фрик-шоу их поразило, и ведущий с улыбкой на лице провожал гостей.

Солнце уже начало клонится к западу, чтобы где-то у берегов далёкой Калифорнии, словно в постель, погрузиться в воды Тихого океана. Посетители цирка постепенно уходили по домам, но ветер до сих пор разносил запах лошадей вперемешку с запахом леденцов, до сих пор под высокий купол цирка взлетали акробаты, до сих пор клоуны брызгали зрителей водой, а силачи поднимали тяжёлые штанги. День подходил к концу, а в цирке продолжали кипеть эмоции.

Ещё одна толпа собралась рядом с наспех построенным зданием для фрик-шоу, последние на сегодня зрители так же смеялись над несчастными уродами, показывали на них пальцами, как, впрочем, и все сегодняшние посетители. Фрики ещё целый час стояли на своих пьедесталах, словно загнанные в клетку дикие звери, и с нетерпением ждали окончания своей пытки и наступления ночи, когда они смогут хоть на короткое время забыть о своём уродстве.

Глава 2. Жизнь за кулисами

Поздним вечером, когда все уже спали, в одном фургоне до сих пор горел свет. Это был фургон бородатой женщины Джо и безрукого Лари. Бывало они засиживались допоздна вместе с другими фриками, обсуждая прошедшее шоу или свою тяжёлую жизнь.

Джо в это время сидела у окна и любовалась ночным пейзажем. В окно видно было, что соседние фургоны уже погрузились в сон. Полумесяц освещал их своим призрачным белым светом. Прямо к окну подлетел светлячок, и Джо коснулась холодного стекла, пытаясь остановить маленького гостя.

Все в цирке звали её Джо, но по правде говоря, ей не очень нравилось, когда к ней так обращались, но эта маленькая форма её имени так к ней прижилась, что все уже забыли, какое у неё полное имя. Говорили, якобы, её зовут Джоанна, но, возможно, что и Джозефина, кто знает. Все знали, родители Джо переехали в штаты из Европы, но где они сейчас никто не мог сказать, и на этом, к сожалению, вся биография Джо, известная общественности, заканчивалась.

Рядом с ней сидел Лари, или как она любила называть его, «котик Лари». Он хотел сейчас обнять Джо, но, увы, из-за неимения того, чем обнимают, это было невозможно. Лари любил Джо всем сердцем. В первый раз они встретились здесь, в цирке Голдмена, и Лари вскоре понял, что любит Джо. Сколько препятствий преодолела уже их любовь: над ними смеялись, всячески издевались – но ничто не было способно разрушить прочную связь между ними. Лари думал, что, возможно, люди привыкли любить в человеке только его внешность, а он любил в Джо её душу.

– Котик Лари, смотри светлячок. В первый раз за лето вижу это насекомое, – сказала Джо, показывая на светлячка.

– Угу, – выдал Лари и тоже уставился в окно.

Хоть шёл не первый год их совместной жизни, нужно заметить, что эта пара вызывала немалое удивление со стороны других артистов. Дело в том, что Джо и Лари сильно отличались друг от друга по характеру.

Джо слыла гордой женщиной, она являлась одной из тех, кто не так просто опускает руки в случае какой-нибудь беды. Она обладала лидерскими качествами и всегда мечтала, что в далёком будущем её жизнь и жизнь других инвалидов изменится в лучшую сторону, что люди станут добрее. Но иногда всё-таки вера в это самое будущее пропадала, из-за чего Джо могла с лёгкостью впасть в депрессию.

Лари же был более практичным человеком нежели Джо. Он не питал надежд на какое-то светлое будущее и считал, что жить надо, что называется, в реальном мире, а не мечтать всё время о том, что когда-нибудь по чьей-либо воли твоя жизнь изменится, чего как раз может и не произойти. Раз в несколько дней можно было наблюдать, как Лари, прикусив нижнюю губу, сидит около окна, бросая пытливый взгляд на различные предметы в фургоне. Обычно так он размышлял о жизни, о проблемах, которые эта самая жизнь доставляет ему ежедневно. Нередко в подобные минуты он впадал в уныние.

Но Лари и Джо всегда быстро выходили из этого самого состояния уныния. Если вдруг Джо одолевала депрессия, Лари всегда пытался как-нибудь развеселить её, если же Лари вдруг повесил голову, ему на помощь приходила Джо. Пусть эти два человека и были слишком разными, но они идеально дополняли друг друга, так же как шестерёнки в часах идеально, зубчик к зубчику подходят друг другу. Если Джо начинала жить в мечтах, забывая о реальной жизни, то Лари быстро возвращал её с небес на землю. А если Джо видела, что Лари чуть ли не до помешательства думает о какой-нибудь там неприятности, то вместе с ним улетала в ту волшебную страну светлого будущего. Они были словно двумя важными частями одного меха-

низма, и эти части, работая вместе, создавали нечто вроде вечного двигателя, которого ничто на свете не могло остановить.

– Котик Лари, как считаешь, сегодня было хорошее шоу? – спросила его Джо.

– Думаю, да. Сегодня, по крайней мере, никто не кидался помидорами, помнишь, как на прошлой неделе? – вымолвил он.

– Такое и не забыть, – потупив взгляд, сказала она. – Мне тогда, помню, так помидором по лицу ударило, что потом, чуть синяк не появился. Где они только взяли-то такие твёрдые! – Она взяла со стола кусочек мармелада и надломил его, а затем спросила, – Лари, хочешь мармелада?

– Не отказался бы, – ответил он и открыл рот. Джо принялась кормить его, словно маленького ребёнка.

Их фургон был очень даже уютным, хоть и не был обставлен шикарной мебелью. На стене около окна висела маленькая резная полочка, на которой стояла керосиновая лампа. В фургоне находилась довольно большая газовая плита, которая являлась гордостью Джо. Рядом с плитой стоял шкаф для посуды и еды, напротив шкафа были компактно размещены три кровати, причём одна из них была меньше остальных, на ней спал Шелдон.

Когда Лари прожевал, Джо спросила:

– А помнишь, как кто-то запустил леденцом прямо в Шелдона?

– Да они, как дикари какие-то, чем попало швыряются, да только в тех, кто им ничего не сможет сделать. Ведь прав же я, Шелдон?

– Да, прав, прав, – раздался хриплый голос откуда-то из угла, – а знаете что, помогите-ка мне лучше подняться.

Джо отвлеклась от созерцания ночного пейзажа, и подошла к Шелдону. Она взяла его тело, не имеющее конечностей, из-за отсутствия рук и ног Шелдон был необычно лёгким.

– Давай я лучше тебя к нам принесу, а ты тут лежишь в одиночестве, хоть с нами поговоришь, – сказала она.

Джо «посадила» Шелдона на стул, а потом заняла своё место. Шелдон, увидав разложенный на столе мармелад, чуть наклонился вперед, так что его подбородок оказался прямо у края стола. Дальше он практически всосал в себя кусочек мармелада и громко зачавкал.

– А вот знаете, – заговорил он, – я ведь когда-то мечтал стать писателем. В детстве постоянно просил родителей почитать мне книжки, правда, читали-то мне редко, но когда это всё же случалось, я представлял, что вырасту, и тоже буду писать книжки. Мне бы хотелось вот о нашей с вами жизни написать, что бы люди увидели, как нам плохо бывает, когда они над нами издеваются. Ох, Господи!

Джо еле слышно вздохнула, она уже несколько раз слышала, как Шелдон рассказывает о своей мечте написать книгу. Ей порядком надоело слушать чуть ли не каждый вечер одно и то же, но она, естественно, не говорила об этом Шелдону, чтобы его не обидеть.

Бывало Шелдон мог часами рассказывать о том, что остальным показалось бы обычной мелочью: о мухе, летающей в комнате, о том, что видно из окна. Он был полностью зависим от других, и понятное дело, что ни у Джо, ни у Эллы часто не было времени, чтобы вынести его на улицу, поэтому в основном он сидел в четырёх стенах и думал о своём прошлом.

– Люди... они упрямые, если им нравится что-то, к примеру, издеваться над такими как мы, их не отучишь, – произнёс Лари и глубоко вздохнул.

– Тебе Шелдон жену бы хорошую, может быть, ты бы ей говорил, а она бы записывала, – предложила Джо.

– Жену? Не смей меня. Ох, Господи! Кто захочет за того как я выйти замуж? Я же ведь только обуза, набитый кровью и мясом мешок! Куда меня такого? Разве только зарезать и пожарить, в таком виде от меня толку будет больше, – произнёс Шелдон, и расплакался.

– Шелдон, ради Бога, не надо так говорить, – взмолилась Джо. Она взяла его на руки и начала медленно гладить по голове.

– Но я не могу не говорить этого. У Лари, например, хотя бы ноги есть, а какого мне, когда ты даже убить себя не можешь! Я ведь раньше пытался, задерживал дыхание, но ничего не получалось, всё-таки я снова начинал дышать. Мне бы только руки да ноги иметь. А чего ещё для счастья надо? Вот я глупый был в детстве: мечтал писателем стать – да мне бы лучше просто ощутить, как это ходить, трогать руками что-нибудь, сгибать и разгибать пальцы. Знаете, что я понял, истинное счастье – есть ощущение того, что ты просто жив, что у тебя есть голова, руки, ноги. Мне знаете, как кажется, нужно быть благодарным Богу за это, а не пенять на судьбу из-за каких-то там мелочей, понимаете?

Слёзы ручьём текли из его глаз. Глаза Джо тоже были на мокром месте, только Лари ещё как-то себя сдерживал.

– Нет, не надо раскисать, – проговорил он. – Мне кажется, нужно уметь преодолевать трудности. Я всегда говорю, мы *люди*, а настоящие люди умеют это делать!

Шелдон посмотрел на Лари.

– Мы люди? – удивлённо спросил он. – Ты разве не слышал, что о нас говорят? У остальных людей даже язык не поворачивается называть нас людьми. Мы для них – страшные существа, они говорят, что нас отвергло всё человечество. Разве мы люди?

Лари хотел что-то добавить, но Джо опередила его:

– Не надо спорить, не хватало, чтобы мы между собой переругались. Запомните, Бог всех нас любит, всех, не зависимо уроды мы, или нет!.. Ой, кстати, сейчас придут ещё все остальные.

– Сейчас? – удивился Лари. – А сколько времени?

– Почти одиннадцать.

Тут послышались шаги, и дверь отворилась. В фургон влетел ночной ветер, и Шелдон задрожал от холода. В комнату вошло четыре человека: Стивен, которого все называли человеком-горой из-за его огромного горба, сиамские близнецы Элла и Эмма, вернее было сказать, что вошла только Элла, а Эмма волочилась за ней как какой-то ненужный отросток, и микроцефалка Дороти, которую Элла вела за руку.

– Хорошо, что вы пришли! – радостно приветствовала их Джо, поглаживая бороду.

– Да, я тоже думаю, как хорошо, что мы пришли, а то я так за сегодня вымотался, что спать буду как убитый, – сказал Стивен. – Не поможете мне найти вешалку, а то вечно забываю, где она?

С курткой в руках он стоял, глядя в пол, но не от того, что ему так хотелось, просто позвоночник его так искривился, что он не мог больше поднимать своей головы. К нему подошла Элла, и, взяв его куртку, повесила её на крючок в углу.

– Ох... Я так сильно устала, – сказала она, присаживаясь на стул. – Вам не понять, как же сложно вечно таскать с собой сестру-идиотку.

Элла всегда сидела весьма странно, хотя все остальные уже привыкли к такой её позе: она садилась на стул боком к спинке, иначе Эмма ногами уткнулась бы в эту самую спинку. Она давно привыкла носить с собой свою сестру, та была не очень тяжёлая. Элла считала, что ей ещё крупно повезло, что Эмма в принципе не тяжёлая, но ещё больше ей повезло в том, что Эмма была слабоумной и ни слова за свою жизнь не произнесла. «Представляете, – сказала как-то раз Элла, – как бы было ужасно, если бы моя сестра разговаривала, она бы, наверное, постоянно меня укоряла, что я её не правильно ношу, что ей больно, а так она молчит, ничего не понимает, не правда ли красота!»

Элла всегда была немного ленива и никогда не упускала подходящего случая показать, что ей очень тяжело управляться со своей сестрой. Она часто тяжело вздыхала, закатывала глаза, показывая, что ей дурно, и что она вот-вот упадёт в обморок. И другие артисты естественно оказывали ей помощь, спрашивали, довести ли её до фургона, принести ли ей воды.

Элла считала, что нужно брать от жизни всё что только можно, и не воспользоваться возможностью почувствовать себя беззащитной она просто не могла. Подобные ухудшения её состояния уже вошли в систему, и каждый вечер, когда заканчивалось шоу, её спрашивали, не нужна ли ей помощь. Но Элла всё же старалась не всегда пользоваться этой бескорыстной помощью и не всегда просить о ней, иначе бы она выглядела в глазах других капризным и эгоистичным человеком, а такой она не была. Если того требовали обстоятельства, то она быстро забывала про свою сестру, и про то, что часто даже не может пройти несколько метров до своего фургона.

Элла хорошо помнила то время, когда практически все называли её: «Элла-и-Эмма». Имена сестёр, как и когда-то тела, срослись, и получилась одна большая форма: Элла-и-Эмма. Два человека, одно тело. Элла помнила, как подружки, к примеру, кричали ей: «Элла-и-Эмма, пошли строить песочный замок». Но то далёкое время, слава Богу, было уже в прошлом...

Элла не любила вспоминать детство и подростковый период: не самые красочные воспоминания остались у неё от того времени. Родители в семилетнем возрасте сдали бедную Элли-и-Эмму в приют, где она и жила до совершеннолетия. Где-то в шестнадцатилетнем возрасте, когда её уже полностью перестали называть двойным именем, она осторожно прокрадась на кухню приюта, там тогда никого не было. (Став взрослой, она часто думала, какой же плохой был её приют, раз те, кто в нём работали, оставили кухню без присмотра). Она отчётливо помнила, как достала из большого шкафа огромный кухонный нож и приготовилась раз и навсегда расстаться со своей вечно мешающейся сестрой.

– Прощай... Прощай, – бормотала она.

Элла сжала руку в кулак и начала бить им сначала по голове, а потом ногам сестры. Она со злостью шептала:

– Прощай... Прощай, идиотка...

Она поднесла нож прямо к своему животу, где её тело встречалось с телом Эммы. Нож надрезал её кожу, и из раны тут же засочилась кровь.

– Прощай, – продолжала бормотать Элла, крупная слеза упала ей на руку, в которой она держала нож.

Никогда ещё, как в тот момент, её желание отделить от себя сестру не было так велико. Она внушала в себя мысль, что не должно было быть этой вечно молчавшей слабоумной Эммы.

Неожиданно Элли кто-то схватил за плечи.

– Ты что творишь, а? – раздался звонкий голос поварахи.

Она выхватила из рук Эллы нож и отшвырнула от греха подальше. Элла плохо помнила, что было потом, вроде как, её вывели из кухни, позвали врача. Благо, порез был неглубоким, поэтому всё обошлось лишь повязкой. Через несколько лет Элла поняла, как ей тогда повезло, что кто-то смог её остановить. Если бы повараха, пришла на пять минут позже, кто знает, осталась ли Элла живой, ведь смерть её сестры сразу же привела бы к её смерти. Она поняла, какой ужасный поступок, какой грех хотела совершить, но ненависть к Эмме не исчезла, она лишь немного охладела и всё...

– Элла... Элла, ты меня слышишь? – говорила Джо.

– А? – промолвила Элла, очнувшись.

– С тобой всё в порядке? Я тебя спрашивала, как сегодня всё прошло с Дороти, а ты, как будто оглохла.

– С Дороти всё, слава Богу, нормально. Мистер Голдмен всё-таки раскошелился на доктора. Я ведь говорила, что он самый настоящий жмот. Но когда этот чёртов доктор пришёл, мы говорим ему, что у Дороти была высокая температура, только сегодня жар вроде бы спал. А он посмотрел на нас с удивлением и говорит: «Ну, знаете ли, микроцефалы, по-моему, долго не живут» так и сказал: «долго не живут»! Я понимаю, так можно было сказать о кошке или птичке, но их и то жалко, а тут он сказал так о *человеке*!

– Так он дал ей хоть какое-нибудь лекарство? – перебила Джо.

– Да, укол какой-то сделал. Как же Дороти только там не брыкалась! А сейчас хоть температура стала нормальной.

Элла посмотрела на Дороти, которая с важным видом рассказывала по комнате.

– Иди ко мне, моя дорогая! – позвала её к себе Джо.

Она раздвинула свои руки в стороны, готовясь принять микроцефалку в объятия. Дороти, как только увидела, распростёртые объятия, сразу поспешила к Джо. Она забралась к ней на колени и сильно прижалась, будто маленький ребёнок к маме.

– Ну что наша Дороти скажет? – спросила Джо.

Дороти подняла на неё взгляд и произнесла:

– Гы... Го... Го... Гы...

– Что ты хочешь сказать, обижали тебя сегодня на шоу, да?

После этого вопроса Дороти, будто поняв его смысл, что совершенно было невозможно, ещё сильнее прижалась к Джо. Когда она с кем-нибудь обнималась, то всегда глубоко дышала, может быть, стараясь запомнить запах этого человека.

Джо хорошо помнила, как Дороти появилась в цирке Голдмена. Мистер Голдмен привёл её в один из весенних вечеров позапрошлого года, тогда он широко улыбался, и походка его была совсем не такой как обычно, более торжественной что ли. Он считал довольно большой удачей, что ему удалось найти такого уникального фрика. Но мистер Голдмен как впрочем и многие артисты его цирка не думал, что бедная Дороти больше чем просто уникальный фрик. Он говорил, что любит Дороти, но так любят не человека, а скорее мешок денег, он радовался, когда видел резвящуюся на улице микроцефалку, но так радуются скорее найдённой на дороге монетке.

Проблема таких людей как Дороти состоит в том, что они с самого своего рождения живут словно в каком-то стеклянном шаре или за какой-то стеной, отделяющей их от общества. Из-за этого самого шара они никак не могут контактировать с остальными людьми: они совершенно не понимают, что происходит вокруг них. Такие люди рады бы выбраться из своего заточения, из этого невидимого барьера, ограничивающего их сознание, но они не в состоянии сделать этого и вынуждены надеяться только на помощь от других людей. Но люди напротив предпочитают не помогать подобным инвалидам, а смеяться над ними, а Дороти и все остальные её товарищи по несчастью продолжают жить дальше, даже не замечая, что всё остальное человечество отвернулось от них.

Джо было досадно, что многие артисты и зрители не видели в Дороти совершенно добрую ничем не загубленную душу. Дороти искренно радовалась жизни, любила всех людей, каких только встречала. Отрешённость от общества хоть и сделала её совершенно незащитной против других людей, но при этом уберегла её от вражды, лицемерия и фальши мира. Дороти являлась чем-то вроде цветка, выросшего в пустыне, которому совершенно было невдомёк, где он растёт, и который вместо того, чтобы придаваться унынию из-за тяжёлой судьбы, решил принести в этот мир радость и свет.

Каждый артист цирка Голдмена хоть один раз видел, как Дороти весело пляшет на траве, греясь в лучах солнца. Один раз во время одной из таких её прогулок, она подошла к старому угрюмому акробату Джорджу. В руках у неё были какие-то старые бусы, которые кто-то ей подарил. Дороти минуту смотрела на Джорджа, а потом протянула ему эти самые бусы. Кто знает, что заставило Дороти подойти именно к акробату, и зачем она отдавала ему своё украшение, может быть, хотела подарить его.

– Гу... Гу... – пролепетала она, стараясь привлечь внимание Джорджа.

Джордж посмотрел на Дороти и усмехнулся. Она всё так же продолжала протягивать ему бусы.

– Го... Га... – пыталась что-то сказать Дороти.

Это уже начало злить акробата, его могли запросто увидеть, а потом наверняка бы начали над ним смеяться. Он отошёл, но Дороти устремилась за ним. Она смотрела ему прямо в глаза, вокруг которых находились многочисленные морщины. От этого взгляда Джорджу стало не по себе, он попытался отогнать Дороти, но его попытки не венчались успехом. Тогда он слегка толкнул её. Вернее он думал, что сделал это слегка. Дороти отшатнулась и упала прямо на песок.

– Гы... Га... – вырвалось у неё.

Джордж поспешил удалиться, а Дороти ещё несколько минут сидела на песке, не понимая, что произошло.

Через несколько месяцев Джордж уволился и поговаривали, что он заживо сгорел в своей небольшой квартире, которую снимал. А Дороти всё так же продолжала резвиться на солнце. Её саму можно было бы сравнить с солнцем: как великое светило, подчиняясь вечным законам, в определённый час показывается над землёй, а потом снова исчезает, так и Дороти, совершенно не обращая внимания на оскорбления, не имея понятия, что такое обида, продолжала каждый день прыгать по траве, радуясь новому дню. В жизни Дороти постоянно появлялись новые люди, готовые унижить её, но со временем они все пропадали бесследно. Она внимательно смотрела на то, как посетители цирка приходили, тыкали в неё пальцем и уходили, так же великое светило наблюдает, как исчезают одни цивилизации и появляются другие. «Как Иисус», – сказала однажды Элла, наблюдая за Дороти. Да, она как Иисус Христос любила каждого человека и никому не желала зла.

Дороти находила поддержку только у остальных фриков и была благодарна им за это. Она часто бывала в фургоне Джо, и в последнее время Джо всё чаще относилась к ней, как к своему ребёнку...

– Бедная Дороти... Бедная Дороти... Бедная... Бедная... – слышался голос Стивена. Иногда бывало, что он забывался и повторял одно и то же чуть ли не по десять раз.

Никто не знал, что творилось в его навечно поникнувшей голове. Он был уже, мягко сказать, немолодой, в таком возрасте люди часто заговариваются.

Жизнь Стивена, следует заметить, была, так же как и у Эллы, несладкой. Он запомнил очень хорошо один случай, произошедший с ним, когда ему было тридцать лет. Его позвоночник принял ту форму, какая у него была теперь. Тогда он задумчиво шёл по улице и смотрел себе под ноги, никуда больше смотреть он не мог. И тут как бум... ударяется головой прямо о какую-то перекладину, возможно, турника. От всех сторон слышался смех, звонкий и долгий, смеялись идущие рядом прохожие. Стивен хотел посмотреть, кто это смеётся, разглядеть их лица, но головы он поднять не мог, поэтому ему пришлось стоять и слушать этот продолжительный смех. Стивен не знал, почему он так хорошо запомнил именно этот случай, примеров подобных происшествий можно было привести ещё много, потому что над ним довольно часто смеялись.

Женился Стивен рано, в девятнадцать лет, и его брак продлился недолго, даже трёх лет не прошло, как он развёлся. Его горб как раз начал увеличиваться, и жене это не нравилось. Настали проблемы с деньгами, пошли ссоры, скандалы, и вскоре их семья распалась. За полгода до развода жена подарила Стивену сына. Правда, он почти не знал своего ребёнка, жена не разрешала ему с ним видеться, оттого что Стивен мог напугать мальчика.

Стивен не часто вспоминал про жену, но когда всё же делал это, то называл её гулящей женщиной. После их развода до него дошли слухи, что она вновь вышла замуж за какого-то богатого бизнесмена, хотя кто знает, может, и не бизнесмен он вовсе, а какой-нибудь уборщик. Только одного этого факта, что жена вновь вышла замуж, хватило для Стивена, чтобы так грубо отзываться о ней.

– Бедная Дороти... – снова сказал Стивен.

– Стив, может быть, хватит? – нервно спросил Лари.

– Что? А, простите, просто начинаю забываться, – виновато произнёс он.

– Ох... Как жарко! Дайте что ли воды, – сказала Элла, но не став дожидаться пока кто-нибудь подаст ей кружку, сама подошла к кувшину воды.

Стивен осмотрел комнату. Он увидел пять фриков, пять людей, которые ему были очень дороги: Дороти, Джо, Лари, Элла, Шелдон. Он понял, что это его семья, идеальная семья, какую они не смогли создать с его бывшей женой. Здесь, в этой большой семье один всегда готов заступиться за другого. Уродство всех этих людей, как их общее большое горе, сплотило их. Стивен испытывал счастье, находясь в этой семье.

– А кстати, куда пропал Мартин? – осведомился Шелдон.

– Понятно, где он, у дрессировщицы Нэнси, – сказал Лари, – он давно уже к нам не заходил. Как же он там, интересно?

– Да, точно, точно, – вспомнил Шелдон. – А который час?

Лари подошёл к часам, и, прищурившись, посмотрел на них.

– Бог мой, уже двенадцать часов!

– Двенадцать? – удивилась Элла. – Надо быстрее возвращаться.

Она вздохнула, предвкушая обратную дорогу, встала и сняла с крючка куртку.

– Стивен, пошли, уже полночь, Дороти, иди ко мне, – собирала всех Элла.

Стивен нехотя поднялся со стула и направился к стене со словами:

– Кто-нибудь подайте мне мою куртку.

– Да вот же она, вот же!.. Дороти, хватит уже плясать по всей комнате!

– Гы... Го... – пролепетала Дороти.

– Да, «гы... го...», пошли уже.

Когда Стивен натянул свою куртку, и на Дороти оказалась верхняя одежда, Элла сказала на прощание:

– Ну ладно мы пойдём, а то, действительно, поздно очень.

– Пока, – сказала Джо.

Снова дверь на несколько секунд отворилась, и в комнату опять залетел ночной ветер. Шелдон затрясся, как осиновый лист.

Глава 3. Клоун

На следующий день в цирк пришло гораздо меньше людей, но сегодняшние гости, так же как и вчерашние, улыбались и с нетерпением ждали начала представления.

Пока зрители занимали свои места, за кулисами уже стояли артисты, которым выпала честь выступить первыми. К выходу готовился фокусник, в кулисах, которые отделялись от главной сцены лишь занавесками, уже было приготовлено всё необходимое для его выступления.

Вдруг погас свет, заиграла музыка, и из зала послышались овации. Фокусник, широко улыбаясь, вышел из кулис. На его место, рядом с узкой щёлкой между занавесками, встал клоун.

Фокусник тем временем начал показывать всякие мелкие фокусы, после каждого из них зрители громко аплодировали ему. Клоун же, внимательно наблюдавший за ним, что-то прошептал, после чего зачем-то на секунду открыл рот, будто от удивления, но причина была, скорее всего, не в этом.

Фокусник между тем вынул из своего цилиндра белого кролика и положил его на стоящий рядом столик, специально приготовленный ещё перед выступлением, потом он поклонился зрителям и вымолвил:

– Дамы и господа, сейчас я бы хотел показать вам смертельный номер, но для этого мне нужен доброволец. Я выберу его совершенно случайно, поверьте мне. Вот скажем, вы, девушка.

«Да уж „совершенно случайно“ он её выбрал!» – подумал клоун, не доверчиво наблюдая за фокусником.

Не обращая внимания на поднятые руки других зрителей, фокусник подошёл к первому ряду и протянул руку какой-то девушке. Она следом протянула ему руку и встала с места, дальше они вместе пошли в центр арены. Помощник выкатил большой ящик на колёсах. Он был чёрным с фиолетовыми звёздами по бокам, и у него присутствовало сразу восемь ножек. Сказав что-то чуть слышно девушке, фокусник начал помогать ей забираться в этот большой ящик.

– Дамы и господа, сейчас вы увидите нечто невероятное: я разрежу эту прекрасную девушку пополам! – сказал фокусник, когда девушка уже лежала в ящике.

Он взял со своего столика пилу, и, подойдя к ящику, начал медленно распиливать его. Зрители затаили дыхание. Осталось совсем чуть-чуть, и вот протяжный звук, издаваемый пилой, прекратился.

– Смотрите, дамы и господа, девушка абсолютно жива и здорова! – вымолвил фокусник, готовясь разъединить две половинки ящика.

Разъединив их всего на несколько секунд, он вновь представил их друг к другу. Завершая своё выступление, фокусник помог девушке выбраться из ящика, когда публика увидела, что она точно жива и невредима, вновь одарила фокусника овациями. Он низко поклонился и направился к кулисам.

Клоун отошёл немного в сторону, пропуская фокусника, и снова прильнул к щёлке между занавесками. «Таковыми фокусами разве только провинциальную публику развлекать», – подумал клоун.

– Эй, кыш с дороги! – раздался позади женский голос.

Клоун обернулся, поправляя красный взъерошенный парик, и увидел сидящую на лошади женщину.

– Не надо никуда меня прогонять! Я тебе не кошка какая-нибудь! – сказал он грубым тоном.

– Давай уже, отходи, Грэг. Тебе не кажется, что в последнее время, когда ты надеваешь этот костюм, то сразу становишься тупее? Наверное, на тебя и правда одежда клоуна так сильно влияет, – презрительно сказала она.

Выслушав её, клоун Грэг всё же отошёл в сторону. Когда эта женщина проехала, за ней последовала ещё какая-то. Грэг что-то прошептал и снова прильнул к щёлке между занавесками.

Под музыку наездницы скакали по арене, их лошади выполняли различные трюки, заслуживая громкие аплодисменты зрителей.

Грэг ненадолго отвлекся от представления. Он достал маленькое зеркальце из кармана и проверил, не смазан ли его грим. Он ещё раз поправил парик, большой красный нос и удостоверился, каждая ли пуговица на его костюме была вде́та в петлю. Грэг с облегчением вздохнул, когда убедился, что всё в полном порядке, но у него всё равно было какое-то беспокойное чувство. Веко его начало поддёргиваться, так иногда бывало, если он сильно нервничал. Грэг аккуратно потёр глаз, стараясь не стереть грим, и в очередной раз глубоко вздохнул.

– Ну что, старина, готов к представлению? – послышался голос его коллеги, Боба.

Боб положил свою руку ему на плечо.

– Тебе-то легко, – ответил Грэг, – ты не волнуешься перед каждым номером, как я.

– Да, ладно всё будет хорошо. Мы же клоуны, а клоунам не зачем быть серьёзными и волноваться ещё о чём-то.

Глядя на своего коллегу, Грэг понял, как же к его характеру подходит эта улыбка до ушей, нарисованная на его лице. Но слова Боба, его оптимизм не очень-то помогли Грэгу собраться.

– Ладно, приготовься, сейчас музыка заиграет, – сказал Боб.

Через несколько секунд действительно заиграл старый добрый «Выход гладиаторов», музыка, под которую в цирках обычно выходят клоуны.

– Ну, пошли, – кинул на ходу Боб и выбежал на арену. Зрители зааплодировали.

Грэг побежал ему вслед. Он грозил Бобу то кулаком, то пальцем, делая вид, что тот ему насолил. Некоторые зрители уже смеялись. Боб закрыл лицо руками, показывая, что он плачет и остановился. Грэг тоже остановился и стал наблюдать за своим другом, он жалел его. Потом Грэг, чтобы его успокоить достал из нагрудного кармана платочек, только этот платок был какой-то неестественно длинный, так что его конец так и остался в кармане. Он протянул платок Бобу, показывая, «мол, вытри слёзы». Боб стал вытягивать платок из кармана Грэга, но он был, словно, бесконечный. Грэг побежал вокруг Боба, и бесконечный платок, как верёвка, обмотал тело его друга. Поняв, что его надули, Боб быстро высвободился из «оков» и побежал за Грэгом. Платок в это время, наконец, весь вышел.

«Боже... Не уж-то это смешно?» – пронеслось в голове Грэга. Его мысли в это время витали где-то за пределами цирка. Может быть, к нему опять возвращались ужасные воспоминания?

Повторилось всё то же самое, только теперь плакал Грэг. Боб, жалея его, вынул из своего кармана цветочек и протянул Грэгу, но гибкий стебель цветка остался в кармане. Грэг радостно принял подарок, но как только он взял цветок в руки, из него прямо ему в лицо хлынула струя воды...

«Боже... Как же я всё это ненавижу!» – подумал Грэг. Он был словно во сне.

Тут Боб развёл в стороны руки, показывая, что он хочет обнять Грэга, и Грэг охотно принял эти объятия. Зрители начали аплодировать, кто-то даже свистнул. «Боже... Боже...» – ещё раз повторил про себя Грэг.

Грэг вернулся в свой фургон только поздним вечером. Он снял парик, клоунский нос, цветной костюм с забавными пуговицами, а затем умылся. Грэг хотел было пожарить себе яичницу на ужин, но чувство голода у него пропало, возможно, из-за сильной головной боли. Он

зачем-то взял со стола ложку, оставленную им ещё утром. «Да пошло всё к чёрту!» – родилась в его голове мысль, и Грэг с непонятно откуда взявшейся агрессией кинул ложку прямо в стену. Раньше, лет пять назад, он не часто срывался, но сейчас приступы гнева преследовали его почти после каждого выступления, виной тому были неприятные воспоминания.

Сегодня, во время представления он опять вспомнил о своём отце, нет, вернее не об отце, а об отчиме. У них были не самые приятные отношения. Отчима своего Грэг никогда не называл папой, всегда по имени. Звали его Россом. Если бы Грэга попросили охарактеризовать Росса, то он, наверняка, бы первым делом сказал, что отчим его – человек странный. Характер его действительно был странным: он то был спокойным, то непонятно от чего злился, вернее, причина его злости, конечно, присутствовала, но она казалась такой незначительной, что ярость Росса становилась просто смешной. Грэга в детстве всегда бесила эта злость отчима, возможно, она как вирус передавалась и ему. В приступе гнева Росс часто кидался какими-нибудь вещами, что-то ломал, так теперь иногда поступал и Грэг. Память Грэга сохранила один случай из детства, он хорошо запомнил, как мама и отчим в буквальном смысле дрались, они тогда как раз спорили о деньгах, ну знаете, кто больше зарабатывает, кто больше тратит, и тому подобное...

– Сволочь! – вырвалось изо рта Грэга. – Самая настоящая сволочь!

Потом до Грэга дошло, какие причины были для всей этой непонятной ярости Росса. Во-первых, это, как было замечено, проблемы с деньгами, отчим зарабатывал меньше мамы, но в каком-то смысле, он ведь не был виноват в этом. Во-вторых, это вечный контроль со стороны родителей Росса, они люди пожилые, и постоянно нуждались в помощи, но при этом им нужно было непременно всё знать, всё, что творится в семье сына. Они начинали совать свой нос во всё подряд, казалось, им было интересно даже то, сколько времени Росс сегодня провёл в туалете. Ну как при таком диком контроле не сойти с ума? Контроль родителей, недовольство жены доводили Росса до дрожи, он ломал мебель, бил посуду.

Как-то раз Грэг привёл к себе в гости пару друзей, но как потом оказалось, он выбрал неудачный для этого день. Росса опять начало всё вокруг раздражать, и он прямо на глазах друзей Грэга сломал стул.

У Грэга началась дрожь. Он вспоминал события того злосчастного дня, думал о том, как же ему тогда было стыдно перед своими приятелями. Дрожь от тела перешла в руки, и Грэгу захотелось взять что-нибудь и сломать, неважно что, лишь бы только сломать. Он взглянул на маленький табурет, и, поняв, что с ним ему вполне возможно справиться, схватил этот табурет и принялся яростно бить его об пол.

– Так тебе и надо! – кричал Грэг. – Это тебе за то, что ты меня позорил! Позорил меня! – он чеканил каждое слово, ударяя об пол табуретом.

Вскоре послышался треск, и Грэг заметил, что одна ножка у табурета почти отвалилась. Он оторвал её, откинул табурет в сторону и начал бить себя этой ножкой по голове. Но после трёх ударов, голова заболела.

– Боже, за что? За что? – заорал Грэг, но после его неожиданно настигло какое-то странное умиротворение, позлился и хватит.

Он присел на пол. В висках невероятно громко стучала кровь. Озираясь вокруг, смотря на табурет со сломанной ножкой, Грэг подумал: «Интересно слышал ли меня кто-нибудь?» Встав с пола, он присел на стул и обхватил руками большую голову.

В детстве Грэг прочёл как-то «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Стивенсона. Сейчас он понял, что он олицетворение доктора Джекила, тогда как Росс – мистер Хайд. В характере Грэга смешались два совершенно разных мира, две противоположные части.

Грэг почувствовал, что новый приступ гнева начинает овладевать им. Он вспомнил, каким его отчим был в старости. Старая, Росс постепенно превратился в расиста. Кстати, он

был, как это говорится, чёрным, и, прознав как-то раз, что одного его соседа, который не отличался от него цветом кожи, убили, при чём довольно жестоко, Росс загорелся желанием извести всех белых с Земли. Иногда, когда Грэг вспоминал своего отчима недобрым словом, он всерьёз задумывался, а не податься ли ему в Ку-клукс-клан. Но нет, скорее всего, это нужно было делать раньше, когда он ещё жил с Россом.

«Интересно, что бы сказал Росс, если бы он сейчас увидел меня? – спросил сам себя Грэг. – Наверное, сказал бы: «Что за клоун передо мной!» Ему стало смешно от этой мысли. «Что за клоун передо мной!» – повторил Грэг.

Будто вспомнив что-то очень важное, он быстро поднялся и направился к маленькому комоду, стоящему у стены. Он принялся что-то отчаянно искать в одном из ящиков.

– Вот он! Вот он! – торжествуя произнёс Грэг, когда это что-то было найдено.

Он достал из ящика маленький серебристый медальон. Этот медальон – всё, что осталось от его отца, настоящего, биологического отца. Грэг не помнил его, но он почему-то представлялся ему намного лучше этого Росса. Его отец точно не такой псих, как отчим. Мать никогда ничего не говорила об отце, это немного озадачивало Грэга. Как он только не старался выпытать у мамы хоть что-нибудь, хоть какой-нибудь маленький факт из биографии отца, всё без толку. Его отец так и остался для него человеком, о котором он ничего не знал, человеком, вечно бродящим в тумане, ты видишь его, он близко, но постоянно куда-то уходит от тебя, ускользает, как мокрое мыло из рук. Его отец так и остался для него идеалом всех отцов Земли, но при этом, Грэг забывал, что была какая-то веская причина того, что он ушёл от них, покинул навсегда его и маму. Это как раз должно было бы опустить отца в глазах сына, но он всё равно продолжал думать, что его папа самый лучший.

Грэг перевернул медальон. На другой стороне медальона было выгравировано: «С. Б.» – инициалы его отца. Но беда в том, что людей с подобными инициалами разбросано по Земле, Бог знает сколько. Лет в восемь Грэгу пришла идея искать отца по этим самым инициалам, встретится с каждым человеком, у кого имя и фамилия начинаются на те же самые буквы. Но как же теперь всё это казалось абсурдным. Его отцу вечно предстояло бродить в густом тумане прошлого, никогда ему оттуда не выйти.

Глава 4. В уродстве – счастье

Фрики в цирке Голдмена жили одной большой семьёй, но один фрик всё же предпочёл не иметь такие тесные отношения с остальными. Звали его Мартин, известен он был под прозвищем «человек-волк». Он не часто ходил в гости к другим фрикам, мало с ними общался, возможно, причина этого была в том, что он хотел быть как можно ближе к обычным людям, и всё своё время он проводил со своей невестой Нэнси.

Тем же вечером, когда Грэг сорвался после очередного выступления, Мартин сидел в своём фургоне и любовался своими же рисунками, которыми были завешены все стены его комнатухи. Он очень хорошо рисовал и причём научился этому полностью самостоятельно. Почти все его рисунки были портретами, и на всех этих портретах было изображено одно и то же лицо, лицо его милой Нэнси. Если просмотреть сейчас его работы, то можно заметить, что Нэнси на каждом рисунке сильно менялась: она была нарисована то сидящей на пляже, то на скамейке в парке; на одних рисунках ей было около двадцати двух лет, на других, более старых, ей не дашь и шестнадцати.

Он любил Нэнси больше жизни, она была для него человеком, ради которого стоит жить. Только Нэнси не отвернулась от него, не испугалась его безобразной внешности. Сколько он себя помнил, она всегда была с ним рядом, старалась успокоить его в трудную минуту.

– Нэнси... Милая Нэнси, – прошептал он.

Мартин оглядел стены, сейчас на него смотрели десятки Нэнси, созданных им самим. Но ни одна нарисованная Нэнси, считал он, не сможет по своей красоте сравниться с оригиналом.

«Где она интересно?» – подумал Мартин, но через минут пять услышал чьи-то шаги, его невеста вошла в фургон. Ничего не говоря, она подошла к нему и поцеловала в заросшую густыми волосами щёку.

– Ну как прошёл день, Мартин? – поинтересовалась она.

– Нэнси... Милая Нэнси, – вздохнув, сказал он, – ты же прекрасно знаешь, как обычно проходят мои дни. Сегодня-то ещё ничего, слишком буйных посетителей не было. А вот во время вчерашнего шоу какая-то женщина, увидев меня, такая и говорит: «Фу-у-у-у!» Представляешь?! Я хотел высказать всё, что о ней думаю, да только меня остановили...

– Ну не огорчайся, Мартин, ты же знаешь, что я тебя люблю, – попыталась пожалеть его Нэнси. – На всех остальных нам плевать, главное что, ты любишь меня, а я люблю тебя, правда же?

– Да, Нэнси, ты, конечно, как всегда права. Просто эти люди, которые приходят на шоу... ну знаешь... такое чувство иногда появляется... хочется убить их всех. Разжечь бы большой-большой костёр, и каждого из них постепенно кидать прямо в пламя, или утопить их всех что ли. Понимаешь?

Он смотрел на неё отчаянными грустными глазами, полными надежды. Его обросшее лицо, грустный взгляд как будто превращали его ненадолго в какого-то раненного зверя, который нуждается в помощи и защите. Девушке стало невероятно жалко своего возлюбленного. Подобные разговоры были не редкостью, но они не пугали Нэнси, лишь давали ей понять, что Мартину постоянно нужна её поддержка, только она может ему помочь и никто больше.

– Мой бедненький Мартин! – вымолвил Нэнси и обняла его. – Не нужно так сильно расстраиваться, всё пройдёт, всё пройдёт.

Она нежно поглаживала его по голове.

– Никогда я не понимал людей, Нэнси, – не унимался Мартин. – Они странные какие-то... Любят ходить и смотреть на инвалидов. Но не лучше бы было разрабатывать какие-нибудь методы лечения этих самых инвалидов. Нам твердят, что мы живём в новом времени, что

постоянно что-то новое изобретают. Но почему они не изобретают лекарства от всей этой дряни, которой больны фрики. Какое к чёрту новое время, у нас ещё взгляд на мир-то средневековый!

– Обязательно что-нибудь придумают, обязательно, просто нужно время для всего этого. Придумают, и ты обязательно избавишься от своей волосатости, обязательно, – продолжала успокаивать Мартина Нэнси.

– Да, конечно, придумают они. Они лучше себе какую-нибудь игрушку сделают, чем что-нибудь полезное изобретут. Недавно все галдели про эту новую штуку, телевиденье. Телевиденье они сделали, а то, что столько людей умирает от различных болезней, они не слышали, они балуются своим телевиденьем!

Мартин чуть ли не до крика повысил голос, Нэнси всё это терпеливо слушала.

– Но подожди, Мартин, не все же люди на Земле плохие, не все же ведут себя как маленькие дети, играют в игрушки, как ты говоришь...

– Все люди одинаковы, так же как и свиньи одинаковы. Посуди сама, как мне паршиво бывает, когда надо мной издеваются. Они смеются над такими как я, кидаются помидорами. Но знаешь, что я скажу? Кидая в меня помидором, они сильно рискуют получить в ответ что-то намного серьёзнее помидора. Я им уже не какой-то там овощ кину, я в них ножом запущу! Тогда они попляшут у меня, попляшут...

Нэнси начала всерьёз волноваться, ситуация постепенно выходила из под контроля. Но Мартин всегда был довольно вспыльчивый, и Нэнси давно привыкла к подобным его речам. Она продолжала гладить его голову, думая, что это успокоит его.

Тише, ради Бога, успокойся, – шептала Нэнси разбушевавшемуся другу. – Мартин, ну как же ты не понимаешь, что нельзя так говорить! – сказала она, после чего ненадолго отошла, а вернулась с листком и карандашом в руках. – Вот на. Порисуй, тебя ведь это успокаивает.

– Не хочу я рисовать: настроения нет! Выслушаешь ты меня, наконец, а? – кричал Мартин. – Но знаешь, я даже счастлив! Да, счастлив! Пусть они кидают в меня помидоры, пусть смеются, пусть! Они же за это деньги платят! Понимаешь, деньги! Бросают их практически на ветер, а я их ловлю на лету, и к себе в карман. Выгодно, а? Счастлив я! Чертовски счастлив! – Мартин выхватил из рук Нэнси лист и карандаш, и, проткнув этот листок карандашом, принялся беспощадно рвать его. – Счастлив я! Понимаешь, счастлив?!

– Перестань, пожалуйста! Не надо!

– Ты знаешь, что я хотел раньше стать актёром, и сейчас то же хочу. Но когда я переступил порог одной киностудии, меня все испугались, как будто привидение увидели. Я им сказал, что хотел бы сниматься в кино, а они немного помолчали и засмеялись. Я, по их мнению, мог бы только какого-нибудь оборотня сыграть, а я хотел настоящих ролей, понимаешь, мне роль оборотня и так-то по жизни надоела. Я сказал им всё это, а они и говорят: «Тогда мы ничем не можем помочь вам. Вам бы в цирке выступать». Представляешь, мне бы в цирке выступать. Чёрт! Как же всё это противно! Как же всё это надоело!

– Мартин, перестань, пожалуйста! Не надо! – ещё раз повторила Нэнси.

Наступила тишина. Странно, но эта фраза, кажется, успокоила Мартина, теперь он сидел неподвижно, глядя куда-то в пустоту. Он всегда остывал так же неожиданно, как и вспыхивал. Станным и немного смешным показалось Нэнси то, как ей удалось его успокоить: она просто сказала: «Не надо!», и Мартин тут же успокоился. Ей показалось это смешным, потому что это «Не надо» она произнесла как команду, словно говорила: «Фу» собаке. «Перестань, пожалуйста! Не надо! Фу!»

Это не показывало Нэнси с лучшей её стороны, просто она славилась в первую очередь двумя вещами: постоянным желанием пожалеть кого-нибудь и легкомысленностью. Бывало, у неё появлялось желание порхать и порхать, словно бабочка. И она часто не могла остановиться, спуститься с небес на землю.

– Милый мой Мартин, – ласково прошептала Нэнси, – всё хорошо ведь, правда? Всё в полном порядке.

Он прижался к ней и оказался в её нежных объятиях, его голова легла на её плечо.

– Всё хорошо... – до сих пор повторяла своё заклинание Нэнси, правда, ей немного уже наскучило сидеть так, с головой Мартина на плече, и повторять одно и то же.

С самых ранних лет своей жизни, когда Нэнси ещё только познакомилась с Мартином, она уже знала, что этому человеку, этому мальчику нужна помощь, нужно, чтобы его кто-нибудь пожалел. Никто из школы не хотел с ним дружить, ему совершенно не с кем было играть, и тогда Нэнси пригрела Мартина. Она начала с ним дружить лишь потому, что не было рядом людей, которые могли бы сделать это за неё. Дальше пошло, поехало, они становились старше, и у Мартина появились совершенно новые потребности, новые желания. Он любил Нэнси. Он был счастлив, и, глядя на него, она тоже была счастлива. Она была рада, что смогла подарить этому человеку счастье, но было ли ей самой нужно это самое счастье, была ли она в силах по-настоящему полюбить Мартина, волосатого Мартина, человека-волка, с таким сложным ранимым характером? В какой-то момент, она поняла, что просто не сможет сказать ему «нет» в ответ на его признание в любви. Не может Нэнси разбить сердце этого человека, за которым в детстве в буквальном смысле ухаживала, как за больной бездомной собачкой.

Но в последнее время Мартин всё чаще стал устраивать истерики по поводу своей внешности. Нэнси старалась помочь ему, но её попытки сделать это всё реже увенчивались успехом. С каждым днём её жених становился всё ревнивее и ревнивее, он и так требовал к себе повышенного внимания, теперь же Мартин чуть ли не по десять раз на дню спрашивал девушку, любит ли она его, даже не спрашивал, а просто заставлял клясться в любви к нему. Нэнси начинало всё это надоедать, и такая жизнь ей была не очень-то по вкусу. В характере Нэнси сочетались две несовместимые особенности: постоянное желание пожалеть кого-нибудь и легкомысленность. Иногда Нэнси задумывалась о том, а не расстаться ли ей с Мартином? Но если она уйдёт, кто тогда пожалует его? Кто сможет помочь этому человеку, этой несчастной, загубленной обществом душе? После подобных рассуждений, Нэнси окончательно запутывалась, она не могла понять, то ли она всё-таки хочет оставаться с этим человеком, то ли покинуть его, скинув со своих плеч, как ненужную обузу.

– Ты меня любишь, Нэнси, так ведь? – спросил Мартин.

«Тебе что нужны ещё какие-нибудь доказательства этого?» – промелькнула мысль в голове Нэнси. Ей показалось, что Мартин действительно ведёт себя как домашнее животное, которое постоянно нужно гладить, ласкать, а иначе оно будет думать, что его уже не любят.

– Конечно, люблю, – прошептала она.

Мартин склонился над своей возлюбленной и поцеловал её. Но для Нэнси этот поцелуй был неприятным, потому что волосы на лице Мартина лезли ей в рот. «Как же противно! – подумала она. – Когда же это закончится? Поскорей бы уйти».

– Ты меня точно любишь? – не унимался Мартин.

«Боже! Сколько можно спрашивать одно и то же!» – подумала Нэнси и сказала:

– Конечно, люблю. Как же такого волосатика не любить?..

Глава 5. Убийство среди белого дня

Грэг любил выходные в первую очередь не потому, что он сильно уставал в будни, а потому что только в выходные, когда не было представлений, он мог забыть о Росссе, о тяжёлом прошлом. Хотя, не все выходные выдавались такими, как хотел Грэг, бывало, что и в эти долгожданные дни он срывался, но, слава Богу, такое случалось не часто.

Сегодня вроде бы ничто не предвещало очередного срыва. На небе сияло тёплое июньское солнце, в цирке было невероятно тихо из-за отсутствия посетителей. В такие дни Грэг ощущал блаженство, невероятное спокойствие. То и дело мимо проходили другие артисты, его друзья, и он приветливо с каждым здоровался.

Сейчас Грэг стирал клоунский костюм. Он поставил таз на скамейку рядом с фургоном и старательно тёр ткань о стиральную доску. Грэг не очень любил стирать, но всё же приходилось заниматься этим. К нему подошёл Боб.

– Всё трудишься? – спросил он.

– Тебе бы, Боб, только шутить, а я, между прочим, занимаюсь делом, – ответил Грэг.

– Да ладно тебе. Я же только спросил.

Боб пошёл по своим делам, а Грэг перевернул свой костюм другой стороной и продолжил стирку.

А как же не любил стирать Росс! Когда мама Грэга была занята, ей силком приходилось заставлять отчима хоть что-нибудь постирать.

«Ты опять?» – спросил сам себя Грэг, когда заметил, что вновь стал вспоминать о Росссе. Мысли об отчине завертелись в его голове, и он без толку пытался прогнать их. Если бы сейчас кто-нибудь проходил рядом, он бы заметил, что Грэг стал как-то больно уж старательно тереть о стиральную доску одежду, даже чуть ли не с яростью он её стирал. Но силой воли он попытался успокоиться, и у него это получилось.

– Здравствуй, Грэг, – сказал седой фокусник.

– Здравствуйте, мистер Уайт, – ответил ему Грэг.

Вынув костюм из таза с мыльной водой, он отжал его и перекинул в другой таз, без воды. Грэг вылил грязную воду прямо на землю и отправился за чистой. Недалеко была колонка.

Он подумал, что ему не следует сегодня вспоминать Росса, но никуда не мог уйти от воспоминаний. Он вспоминал, как отчим ругался с матерью, как их скандал медленно перерастал в драку. Росс дал маме пощёчину, она тут же схватилась за нож. «Только попробуй меня ещё раз ударить!» – твердила она. Хоть Росс и не пытался её ударить, мать почему-то набросилась на него и прошла ножом прямо по рёбрам отчима. Грэг плакал тогда, да и сейчас, если честно, на его глаза наворачивались слёзы, но он усердно пытался их подавить. Дальше Росс набросился на маму, раздались крики, плач. Ярость, отчаяние, жгучее чувство обиды – всё смешалось в один коктейль.

«Нет. Хватит. Довольно», – подумал Грэг – и образы прошлого исчезли. Он уже стоял рядом с колонкой: вода из большого крана утекала куда-то под землю. Грэг увеличил напор, и подставил таз. Вода с металлическим звуком стала заполнять таз, когда он наполнился, Грэг направился обратно к скамейке.

Он подумал, что сейчас достирает свой костюм, повесит его сушиться, а потом пойдёт в фургон, приляжет, может даже поспит. Да, хорошо бы было поспать, может быть, во сне от него отстанет Росс, а то буквально всё о нём напоминает, даже стирка. Как же его всё это достало, хоть вешайся. Как бы Грэгу хотелось отбросить все эти дурные воспоминания, выбросить их на помойку. Как-то в школе им рассказывали притчу о человеке, который искал счастье, и постоянно таскал с собой какой-то хлам. Прохожие, встречавшие этого человека на пути, спрашивали его, куда он идёт. Он отвечал, что ищет счастье, тогда прохожие спраши-

вали его, а зачем он тащит за собой хлам. Человек удивлялся, действительно, зачем ему какой-то мусор носить, и он решил от него избавиться. Когда в дороге его уже ничего не тяготило, он понял, что и так-то счастлив, и счастье ему искать незачем, нужно было всего лишь выбросить весь мусор. Так вот воспоминания были хламом для Грэга, но только избавиться-то от них он не мог, они как будто намертво приросли к нему.

Грэг приблизился к своему фургону и заметил, что около него что-то происходит. Рядом с той скамейкой, на которой он оставил таз со своим костюмом, плясала микроцефалка Дороти. Что-то явно было не так. Около десяти метров отделяло Грэга от Дороти, и Грэг заметил, что микроцефалка пляшет на какой-то цветной тряпке. Но нет, это было вовсе не тряпка, это был костюм Грэга!

– Скотина! Ты что вытворяешь?! – прокричал он.

Грэг остановился, наблюдая за тем, как безумная Дороти топчется на его костюме. Она кинула его прямо в лужу, которая осталось от грязной воды. Грэг почувствовал как в нём рождается желание хорошенько проучить микроцефалку, так, чтобы она на всю жизнь запомнила бы этот день, в который посмела взять его костюм. Руки его сами собой сжались в кулаки, сердце бешено заколотилось.

– Иди-ка сюда! Сейчас я тебя, скотина, проучу! – продолжал кричать Грэг.

Он быстро зашагал к Дороти. В это время она прекратила свой танец и, широко улыбаясь, глядела на Грэга.

– Гы... Га... Гы... Га... – произнесла она, приветствуя его.

– Сейчас я тебе покажу «Гы... Га...» Сейчас ты у меня попляшешь!

Снова перед его глазами предстала картина того, как отчим дерётся с мамой. Потом он увидел, как Росс ломает стул прямо на глазах его друзей. Потом он вспомнил, как вчера сам ломал стул. «Боже... Как же мне стыдно! Как стыдно!» – подумал он.

– Как стыдно! – кричал Грэг уже вслух.

Он схватил ничего не понимающую Дороти прямо за горло. Она пыталась освободиться, но её сил естественно не хватало.

– Гу... Гу... – кричала она.

Грэг сильнее сжал её горло и начал трясти эту беспомощную преступницу, пойманную им на месте преступления. Он смотрел ей прямо в лицо, и Грэгу казалось, что лицо Дороти начинает превращаться в лицо Росса, этого жалкого чернокожего психа.

– Мне стыдно! Стыдно мне! Ненавижу! Ненавижу тебя! – кричал он.

Грэг уже душил Дороти. Её глаза закатились, а лицо посинело. Сердце Грэга стучало как сумасшедшее. Тело Дороти полностью ослабло, и Грэг увидел, что в его руках находится уже мёртвая микроцефалка.

– Боже... Боже... – прошептал Грэг.

Он отпустил тело Дороти, и оно упало прямо на его грязный костюм. В его голове не укладывалось, что он только что убил её, собственноручно задушил.

– Что я наделал? – вымолвил он и увидел, что прямо к нему кто-то направляется.

«Что делать? Что делать?» – мелькали в его голове мысли. Он понимал, что просто так стоять и смотреть на мёртвую микроцефалку нельзя. «Надо бежать!» – подумал Грэг. Он быстро вбежал в свой фургон и закрыл на ключ дверь, после Грэг сел прямо на пол.

– Боже! Что я наделал?! – продолжал он отчаянно спрашивать.

Рядом с ним лежала ножка от сломанного табурета. Схватив её, он принялся бить ею себя по голове. Из глаз потекли слёзы.

– Нет, нет, – шептал Грэг, он до сих пор не мог поверить, что Дороти, которая буквально пять минут назад весело плясала, сейчас мёртвая лежит на земле.

Он услышал, как кто-то подходил к двери.

– Убийца! – кричала какая-то женщина, стоящая рядом с его фургоном. Потом он понял, что это был голос Джо. – Убийца! Убийца! Ты хоть понимаешь, что ты наделал? Несчастный ты убийца!

Грэг затаил дыхание. Он услышал, что Джо начала плакать, «плакать» – это даже не то слово, она рыдала навзрыд. «Убийца» – доносилось до ушей Грэга. В одночасье он стал убийцей.

Глава 6. Похороны

– Какие похороны?! Джо, ты в своём уме? – сказал Лари и, погрузившись в раздумье, прикусил нижнюю губу.

– Лари, не надо так со мной разговаривать, – ответила Джо. – По-твоему мы должны бросить Дороти на дороге, и пусть она так лежит и гниёт? А все прохожие будут ходить и смотреть на неё? Ну, хотя, да, зато денег платить не надо за фрик-шоу: прошёл мимо – увидел микроцефалку, красота!

Она снова заплакала, тусклый свет от керосиновой лампы освещал её мокрое от слёз лицо.

– Но у нас нет ни гроба, ни даже креста, чтобы поставить на её могилу, – говорил Лари, – я о надгробном камне и подавно молчу. Да к тому же мы постоянно переезжаем: сегодня в одном городе, завтра – в другом...

Иногда скептицизм Лари сильно раздражал Джо. Она понимала, что Лари прав, но всё равно не хотела верить во все его доводы, она всегда надеялась на лучшее.

– Я говорю: мы не можем оставить её вот так, мы должны хоть что-то придумать.

Джо в надежде посмотрела на всех остальных, но они молчали, будто набрали в рот воды.

– Знаешь, Джо, – заговорила Элла, – мы действительно должны похоронить Дороти. А то ведь она никому не нужна, кроме нас. Её, наверное, уже все забыли, и идти за помощью к мистеру Голдмену бесполезно, ему на всех наплевать, тем более на какую-то там микроцефалку. Я бы в суд на этого клоуна Грэга подала, это же ведь надо – задушить человека, и причём практически ни за что.

– Какой суд?! – возразил Лари. – Над нами только все посмеются и всё, и мы же постоянно переезжаем, как мы пойдём в суд и на что мы...

– Мне кажется, – перебила его Джо, – нужно Дороти завернуть в простыню, и похоронить в таком виде. У Стивена же есть какая-то старая лопата, так вот не уж-то мы не похороним Дороти.

– Есть-то, есть, – сказал Стивен, разглядывая свои руки, – да только кто же копать будет? У Лари рук нет, Шелдон и подавно не может, а я... нет, ну хотя могу, правда, я не такой уж и молодой...

– Если что, я буду копать, – сказала Джо.

Ненадолго воцарилось молчание, каждый обдумывал, как они будут хоронить Дороти. Её тело в это время лежало на кровати, простыня была откинута в сторону, чтобы тело не запахло. Джо взглянула на Дороти, она не могла поверить, что теперь Дороти мёртвая лежит в её фургоне на кровати, ещё только вчера она прыгала по этой самой комнате, выражая таким образом всю радость и любовь к миру, к жизни.

– Ну, так что, мы пойдём или нет? – спросила Джо.

Она взяла простыню и подошла к Дороти.

– Помогите мне, поддержите тело, пока я стелю простыню.

Подошла Элла, она взяла Дороти на руки, из-за Эммы ей не очень-то удобно было держать тело. Джо расстелила на кровати простыню и взяла тело у Эллы. Затем она положила его на простыню и принялась тщательно заворачивать.

– Ну всё, – сказала Джо, когда тело было полностью завернуто, – Шелдон, надеюсь, ты не расстроишься, если мы тебя не возьмём с собой, а то нам и так-то тяжело...

– Ох, Господи! Да нет, ничего, идите, я вас здесь подожду, – раздался голос Шелдона откуда-то из угла.

– Знаете, я вот думаю, это и вправду как-то неправильно, хоронить Дороти вот так, как будто домашнее животное. Нужна хотя бы табличка с её именем, – сказала Джо.

– Да только где её взять? – спросил Лари.

Недолго думая, Джо ответила:

– Разве у нас нет никакой маленькой дощечки?

Она подошла к кухонному шкафу и достала из выдвижного ящика небольшую разделочную доску. На одной её стороне были видны многочисленные следы ножа, но другая сторона была абсолютно гладкой.

– Вот, из этого уже можно что-то сделать. Теперь остаётся только написать имя.

– Может попросить об этом Мартина? – предложила Элла.

– Ну... я думаю, что можно... Я к нему схожу, вы меня пока подождёте.

Джо накинула на плечи лёгкую куртку и вышла на улицу, держа в руке разделочную доску.

Во всех окружавших её фургонах уже горел свет. Джо подошла к фургону Мартина и громко постучалась. Не став дожидаться ответа, она вошла внутрь.

– Мартин, можно ли тебя попросить об одной услуге? – сказала она.

Мартин, поглощённый рисованием, ненадолго отвлёкся и посмотрел на Джо.

– Ну, наверное, смотря чего ты хочешь, – вымолвил он.

– Мартин, произошло нечто страшное! Ой! Я боюсь даже тебе об этом говорить! Только не волнуйся! Всё равно уже ничего не исправишь.

– Боже мой, Джо, что произошло? Говори уже! – Мартин привстал с табурета и с тревогой посмотрел на Джо.

Джо понимала, что если она скажет Мартину имя убийцы, то тому не поздоровится, поэтому она решила не говорить о Грэге: Мартина было бы не сдержат. Джо набрала воздуха в грудь и выпалила:

– Знаешь, сегодня днём какой-то негодяй убил нашу маленькую Дороти.

Мы решили похоронить бедняжку, но не хотим, чтобы могила была безымянной, и для этого нам нужна табличка с её именем.

Джо протянула Мартину маленькую дощечку. Его потрясла новость, принесённая Джо, так что Мартин на несколько мгновений потерял дар речи. Он медленно встал со своего места, и, подойдя к Джо, взял у неё разделочную доску.

– Ты сделаешь это для нашей Дороти? Ты ведь можешь? – всхлипывая спросила Джо.

– Думаю, я сумею, – вымолвил Мартин и с горечью произнёс: – Поверить не могу! Какая сволочь могла сделать это с Дороти? Знай я убийцу, не жить ему на этом свете! Когда похороны? Сколько у меня времени?

– Мы похороним её, когда стемнеет: нам не нужно лишних глаз и ушей.

– Я справлюсь. Принесу работу к могиле.

Джо кивнула и молча вышла из фургона.

Он сел за стол и взял из маленького стаканчика кисточку, обмакнул её в баночку с чёрной краской и задумался: что же написать о бедной Дороти. И, не придумав ничего другого, вывел: «Спи спокойно, дорогая Дороти».

Джо поторопилась к себе, зная, что все её ждут. Она вошла в фургон и оглядела собравшихся. Каждый был уже одет и готов идти.

– Ну как всё прошло? – поинтересовался Лари.

– Мартин согласился, он принесёт табличку к могиле. Ну что ж, пойдём?

Джо, держа в руках тело Дороти, распахнула дверь, и вся процессия вышла на улицу. Уже смеркалось, в округе не было ни души.

– Подождите, – вспомнила Элла, – я схожу за лопатой, а то копать-то нечем будет. Стивен, она где у тебя лежит?

– Посмотри под фургоном, я недавно её доставал, по-моему, туда закинул, – сказал Стивен.

Элла ушла, а все остальные остались стоять и ждать её. Джо оглянулась, повсюду она видела фургоны, в каждом из них горел свет. Она подумала, что все люди, сидящие в этих фургонах, полностью равнодушны. Им было совершенно всё равно, что кто-то там стоит на улице с телом мёртвого человека, что ему нужна помощь, да они и не считали Дороти человеком, для них она была просто цирковым уродом, чудовищем. Джо посмотрела куда-то вправо, где стоял фургон Грэга. «Этот убийца сейчас сидит там, – подумала она, – как же мне хочется наказать его! Как же хочется!»

– Принесла, – сказала Элла, держа в руках лопату.

– Ну, чего тогда ждать, пошли, – вымолвила Джо, и все устремились за ней.

Они шли куда-то за пределы цирка, там было самое подходящее место для похорон.

– Подождите меня, – раздался позади крик Мартина.

Мартин подбежал к ним, держа в руках дощечку с красиво выведенной надписью: «Спи спокойно, дорогая Дороти». Элла, увидев табличку и прочитав надпись, расплакалась:

– Какой ты, Мартин, молодец! Дороти на том свете тебе будет благодарна! – произнесла она сквозь слёзы.

Мартин сконфуженно хмыкнул.

Шествие приблизилось к какой-то маленькой рощице, тут Джо остановилась.

– Здесь похороним, – сказала она, положив тело на землю. – Элла, давай лопату.

– Может, лучше я буду копать – предложил Стивен.

– Нет, Стивен, у тебя и так здоровье не самое лучшее, а ещё рисковать им, – сказала Джо таким голосом, что никто больше не осмелился предложить ей свою помощь.

Она взяла лопату и вонзила её в твёрдую землю, потом подняла лопату, отбросила землю. Постепенно стала появляться яма, которая потихоньку увеличивалась. Джо начала как-то громко дышать, будто задыхалась, из глаз её потекли слёзы.

– Нет, больше не могу, – произнесла Джо, всхлипывая.

– Может, лучше мне? – спросил Мартин.

Она протянула лопату Мартину и отошла в сторону ко всем остальным. Остальные стояли тихо, не говоря ни слова: Лари смотрел на свои ноги, Элла разглядывала руки.

Мартина начал копать, при дыхании он издавал свист. Яма становилась глубже и шире.

– Ладно, думаю, этого вполне хватит, – сказала Джо, заглядывая в яму.

Она подняла с земли тело несчастной Дороти, а затем положила его в могилу. Все смотрели на дно ямы, где лежала сейчас Дороти, похожая на грудку белых тряпок. Пусть Дороти за всю свою жизнь не произнесла ничего вразумительного, не сделала ничего полезного, но её все любили, потому что она не способна была делать зло и сама всех любила. Каждый из фриков стал подходить к краю могилы и бросать горсти земли.

– Давай лопату, Мартин, – сказала Джо.

Она принялась теперь закапывать могилу, прямо на белоснежную простыню падали груды чёрной земли.

– Жаль только, что креста у нас нет, – сказал Лари.

– Ничего, можно и без него обойтись, – ответила Элла.

Вскоре яма была зарыта. Джо молча стояла и смотрела на могилу Дороти, облокотившись на ручку лопаты. Послышался какой-то шорох, наверное, где-то в роще взлетела птица, сейчас только этот звук нарушил тишину. Джо очнулась от раздумий и сказала:

– Надо хотя бы чем-то отметить это место, а то мы его потом совсем потеряем.

– Да вернёмся мы сюда к тому же не скоро, в лучшем случае через год, – добавил Лари. – Кстати, как мы поступим с табличкой, которую сделал Мартин?

– Надо бы подходящую палку найти, – предложила Элла, – туда и приколотим табличку. Это, конечно, не надёжно, но хоть что-то.

Неподалёку Джо нашла широкую доску, и Мартин установил её на могиле.

– Бедная Дороти... бедная, – прошептал Стивен, прибывая табличку к доске.

– Дороти ведь никому не делала ничего плохого, она не должна была умирать, правда же? – вымолвил Лари.

– Она была самым добрым человеком из всех, кого я знаю, – сказала Элла.

– Господи, очисти грехи наши, прости беззакония наши. Упокой, Господи, души рабы твоей Дороти. Ныне и присно и во веки веков. Аминь. – проговорил молитву Стивен.

Все стояли молча, вспоминая какой была Дороти.

– Она не должна была умирать, это я во всём виновата, я не доглядела за ней, – прошептала Джо.

– Нет, Джо, ты не виновата, – попытался её успокоить Лари.

– Прощай, Дороти! Спи спокойно, – сказала Джо и тихо пошла в сторону цирка.

Все остальные медленно побрели за ней, иногда они оборачивались, чтобы ещё раз проститься с маленькой Дороти. Их огорчало то, что всё, что они сделали, не очень-то напоминало своим видом могилу, настоящую могилу, как на кладбище. Но могила Дороти была словно вызов всему человечеству, словно рана на большом теле Земли. Эта рана кровоточила, болела, она кричала людям: «Оглянитесь же! Посмотрите, что совершается на этой планете! Посмотрите, до чего вы докатились!» Но разве увидят они? Фрики наивно думали, что смерть Дороти способна изменить людей. Но было ли это так? Станут ли они добрее, гуманнее к тем, кто не такой, как все? Возможно ли это в мире, где уже ничего не воспринимается всерьёз (кроме денег, конечно же)? Люди будут проходить мимо могилы, а история с Дороти скоро забудется. Максимум местные подростки сочинят какую-нибудь легенду о призраке микроцефалки.

Идя домой, Джо и все остальные иногда поглядывали на красивое, усеянное звёздами небо и думали о том, что где-то далёко отсюда, под этим же самым небом, скажем в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе живут другие люди. Они ходят в кинотеатры, рестораны, катаются на русских горках, и им совершенно всё равно до какой-то там умершей сегодня микроцефалки Дороти.

– Так жалко, что никто ведь кроме нас, наверное, больше не вспомнит о Дороти, – сказала Элла.

– Они вспомнят, вот увидишь все завтра будут это обсуждать, наверняка, кто-нибудь ещё знает о смерти Дороти, – ответил Мартин.

Вскоре показался фургон Джо и Лари.

– Ну ладно, мы пойдём. До свидания, – сказала Элла, вместе со Стивеном она направилась к своему фургону.

– До свидания, – почти прошептала Джо, задумавшись на мгновение о чём-то.

– До свидания, – вымолвил Мартин.

Лари и Джо вошли в фургон, где их уже встречал Шелдон.

– Ну как? – немного погодя, спросил их Шелдон. Он выглядел довольно обеспокоенным.

– Похоронили, – ответила Джо, и на её глазах вновь выступили слёзы, – недалеко от цирка, около рощи. Могила у неё скромная, только мы знаем всю эту историю с её убийством. Жаль только, что за могилкой никто не будет ухаживать!

Джо без сил упала на стул. Она молча плакала, наблюдая как за окном летают светлячки. В это время опять наступила полная тишина. Джо начал слышаться голос Дороти, будто сейчас она находилась в этой самой комнате. «Гы... Го... Га... Гу...» – звенело в её ушах. Она оглянулась, но Дороти, естественно, не было, лишь Шелдон с поникнувшей головой лежал на кровати, да Лари сидел рядом с ней. Джо вспомнила Грэга, этого проклятого убийцу. Она подумала, что Грэг скорее всего останется безнаказанным, от этой мысли руки сами собой сжались в кулаки.

– Может, всё же мы сможем подать в суд на Грэга? – с надеждой спросила она.

– Нет. Кто нас слушать-то будет? И мистер Голдмен сделает всё, чтобы мы в суд не шли, это же, по его мнению, репутацию цирка испортит, – ответил Лари.

Джо думала о Дороти. Вскоре её начало клонить в сон.

– Надо спать ложиться, – устало сказала Джо.

Через несколько минут свет в их фургоне погас, так же как и до этого во всех остальных. Цирк полностью погрузился в сон, а где-то рядом с рощей, почти за его пределами, вечным сном почивала бедная жизнерадостная Дороти.

Глава 7. Скандал

На следующее утро новость о погибшей микроцефалке медленно начала распространяться по цирку. Когда одна акробатка по имени Мери вышла утром на улицу и увидела толпу других артистов, то тут же поспешила рассказать им о вчерашнем происшествии.

– Привет. Вы не поверите, что я вчера видела, – сказала она.

Все внимательно на неё посмотрели.

– Ну привет, Мэри, – сказал молодой человек, державший в руках несколько разноцветных шариков, – и что же ты видела?

– Так вот, вчера днём я шла неподалёку от фургона Грэга и увидела, как он задушил микроцефалку из фрик-шоу. Это было просто ужасно!

– Не может быть! – произнесла стоящая рядом девушка. – Это же просто уму непостижимо. Я знала, что у этого Грэга не все дома, но что бы дойти до такого! Кошмар!

– Да, да, – поддержала её Мери, – я поэтому и побоялась к нему подойти, из-за того, что у него не всё с головой в порядке. А эту микроцефалку, как её там... Дороти так жаль, так жаль.

Девушки замолчали, глядя куда-то вдаль. Молодой человек, держащий шарики, начал жонглировать ими, периодически меняя высоту подбрасывания шаров.

– Не понимаю я вас, – сказал он, продолжая жонглировать. – Как можно расстраиваться о смерти этой дурочки Дороти. Ну, умерла, ну и Бог с ней.

– Ужас, нельзя быть таким бесчувственным, Майк. Умер человек, ты понимаешь это?! – сказала Мэри. – Вот мы с Сарой не бесчувственны, мы жалеем Дороти, хотя даже и не знали её толком.

– Ой, да ладно давайте, ахти вам её так жаль, – ответил Майк, – жалеть надо людей, а эта Дороти, прости меня, но она не человек.

– Как не человек?! – удивилась Сара.

– Да, так вот, – сказал Майк. – Люди это мы с вами, у нас есть руки, ноги, мы неслабоумны, мы люди, а уроды эти... нет, не могу я их людьми назвать, уж простите.

– Ну-у-у, – протянула Сара, – не ожидала я от тебя такого. Никогда, если честно, не понимала людей, которые так рассуждают.

Майк уронил один из шаров, и упражнение пришлось прекратить.

– Как рассуждаю, так и рассуждаю, – сказал он, поднимая упавший шар, – если не нравится что-то, это ваши проблемы.

– И всё же, Майк, ты очень чёрствый, нельзя таким быть, – поговорила Мэри.

– А вы прямо все чуть ли не ангелы, – возразил он, снова начав жонглировать, – но вот, почему же ваша жалость к этой дурочке проявляется только на словах. Согласитесь, это ведь для вас прекрасная новость, что какой-то придурок задушил её, это же можно всем вашим подружкам рассказать? Хорошая сплетня, не так ли? Вот ты, Мери, строишь из себя благодетельницу. А что же ты не остановила вчера Грэга, а? Вы говорите, я чёрствый, а сами-то не лучше. Я не чёрствый, я просто не люблю этих инвалидов и всё, а вы притворяетесь, чтобы лучше выглядеть в глазах остальных.

– Ты дурак что ли? – возразила Мери. – Я как его, по-твоему, останавливать должна? А если бы он на меня напал? Что тогда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.